

Владимир Манчев

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ЛЕКСЕМ, НЕСУЩИХ КУЛЬТУРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Приступая к детальному и углубленному изучению многих вопросов, касающихся культурной информации и ее отражения в языке, следовало бы обратить пристальное внимание на то обстоятельство, что если данная культура формируется, бытует и развивается, то она отражается в языке, в связи с чем нельзя не затронуть становление, развитие и влияние друг на друга соседних, а также близкородственных этносов и их культур.

Вряд ли наличествует такая область культуры, в которой условия становления, развития и отмирания процессов поддаются столь точному определению, как в языке, и, равным образом, едва ли существует другая такая культурно-историческая наука, метод которой мог бы быть доведен до такой степени совершенства, как, например, сравнительно-исторический метод изучения языка, зафиксировавшего развитие этой культуры. Иными словами, нет других таких наук, которые могли бы выйти так далеко за пределы устной и письменной традиции и достигли бы такой степени умозрительности и конструктивности, как лингвистика и культурология. К тому же следовало бы обязательно отметить, что эта специфическая черта тесно связывает языкознание с культурно-историческими науками, что и объясняет широкое использование в нашей работе историко-филологических данных.

Общеизвестно, что эпоха великого переселения народов, длившаяся с конца IV по V в. н.э., привела к активным контактам между народами на большей части территории современной Европы. Набеги и войны этой эпохи сталкивали множество народов: римлян и греков, кельтов и германцев, славян и угро-финнов, арабов и тюрков. Большинство современных европейских наций оформилось именно в ходе продолжительного сообщества разнообразных этнических групп.

Между тем, по историческим данным, славянские племена занимали территорию Центральной и Восточной Европы, ограниченную на севере прибалтийскими лесами, на юге – отрогами Карпат, на западе – реками Вислой и Одером, а на востоке – средним течением Днепра.

Сведения о прародине славян можно почерпнуть и из лексического фонда их языков. Так, например, наличие сравнительно большого количества лексем, обозначающих реки и болота, позволило многим ученым сделать вывод о географических особенностях территории, которую занимали предки славян. В.М.Мокиенко отмечает, в частности, «...отсутствие единой детализованной терминологии для обозначения горных массивов, степей или пустынь» [Мокиенко 1990: 35]. Но, с другой стороны, как утверждает ученый, «...обильно отражены в этой лексике такие понятия, как лес, небольшие возвышенности, водоемы самых разных масштабов, лесные поляны и болота. Исключительно разнообразна у славян именно терминология болот. При этом разнообразии, однако, ярко выделяется несколько возможных мотивировок для наименований болот, известных всем группам славянских языков» [там же].

Бесспорно, среди потенциальных объектов сопоставительных лингвокультурологических исследований русского и болгарского языков немаловажное место занимает система топонимов, причем следует особо подчеркнуть, что топонимия,

являясь неотъемлемой частью лингвокультурной информации, представляет собой несомненный интерес с точки зрения как теории и практики перевода, так и лингвокультурологии. Вступая в контакт с другими народами, расселившиеся на обширной территории славянские племена усваивали, наряду с иной лексикой, и географические названия. В качестве примера можно привести турцизм *Джендеми*, проникший в болгарский язык в период османского владычества: «Жени тук, сред *Джендемите* – помисли си той, – и това е добра плячка!» (Й.Йовков, «Шибил», 231).

В свою очередь, в русском языке бытует определенное количество угро-финских топонимов, таких, как *Песь, Насва, Тосно, Валдай*:

В тех краях продолжается путь,
Где когда-то, беспечно болтая,
Колокольчик – легенда *Валдая* –
Волновал утомленную грудь...

(С.Куняев, «Слева Псков, справа станция Дно...», с. 195)

Данное обстоятельство можно объяснить активными контактами части восточнославянских племен с финскими племенами.

Немаловажно было бы отметить существование в древнейший период славянской истории племени, которое можно условно назвать праславянским, со свойственным ему особым единым племенным диалектом (логично было бы назвать его, соответственно, *протославянским диалектом*). Это праславянское племя, с течением времени, разделялось на новые славянские племена со своими диалектами, сохранявшими большую близость между собой в силу единства своего происхождения. Процесс разделения славянских племен продолжался по мере их расселения и освоения все новых и новых территорий, причем возникали также и новые диалекты. Исторические данные свидетельствуют о том, что эти нововозникшие и обособившиеся племена не разобщались, а образовывали славянские племенные союзы с общим языком, который в науке принято называть общеславянским.

Известно, что славянская общность начала распадаться в эпоху Великого переселения народов, когда, оказавшись в центре бурных исторических событий, племена славян начали обособляться. Результатом этого процесса стало возникновение трех ветвей славян – западной, южной и восточной.

Как уже давно установлено, западные славяне (поляки, чехи, моравы, полабские и поморские племена) остались на своей прародине, а также частично заселили территорию, оставленную германцами, – земли между Одером и Эльбой. Южные славяне (болгары, сербы, хорваты, словенцы) расселились на Балканском полуострове, а восточные славяне, в свою очередь, освоили обширные лесостепные районы Восточной Европы.

Нельзя обойти молчанием и взаимоотношения славян с Византией, поскольку последняя сыграла немаловажную роль в исторических судьбах южных и восточных славян. Следовало бы отметить и то, что первые упоминания о славянах в византийских источниках относятся к V – VI векам новой эры. Известно, что по приказу императора Юстиниана I на дунайской границе была создана система крепостей. Однако эти меры не смогли остановить экспансию воинственных соседей, часто нападавших на балканские провинции великой империи. С VII в. славянские племена начинают заселяться на территориях, принадлежавших Византии, и за 100 последующих лет овладевают тремя четвертями Балканского полуострова.

Многочисленные данные исторической науки свидетельствуют о том, что в 681 году, на уже освоенных к тому времени славянами придунайских землях, было

образовано Первое Болгарское царство, ядро которого составляла возглавляемая ханом Аспарухом тюркская народность болгар, попавшая в круговорот Великого переселения народов. С течением времени тюрки слились с местным славянским населением в один народ с общим, славянским, языком. По свидетельству С.Младенова, контакты славян с болгарскими Аспаруха незначительно отразились на лексическом фонде современного болгарского языка. Об этих контактах говорят слова: *бисер, белег, белчуг (белезници), бѣбрек, пашеног (баджанак), тояга, чипаг (чепкен), сандѣк, капище, кумир, сан, чертог* и др. [Младенов 1920-1921].

Существует разнобой во мнениях лингвистов относительно количества тюрко-протоболгарских слов в современном болгарском языке. Таких слов насчитывается около 30-40, но в последнее время некоторые ученые сходятся на том, что их может быть больше.

Появление на Балканах сильного болгарского государства не могло не привести к конфликтам с мощной Византийской империей, стремившейся сохранить свое влияние в этом регионе.

Однако между Византией и славянами имели место также торговые и культурные связи. Так, например, принятие Болгарией христианства в 865 году приобщило ее к богатой византийской культуре. Особенно стоит отметить в этом отношении деятельность братьев Кирилла и Мефодия – просветителей славянства и создателей славянской азбуки – кириллицы.

Бесспорно, принятие христианства, а точнее православия, и кириллического письма сыграло огромную роль в истории Болгарии и России. Наряду с культовой переводилась и светская литература, включающая труды древнегреческих историков и философов. И вполне логично, что греческий язык оказал значительное влияние на структуру как болгарского, так и русского языков, не коснувшись лишь типичной славянской фонетики.

В свою очередь, контакты древнерусского государства, образовавшегося в результате объединения восточнославянских племен в 882 году (Киевская Русь), с Византийской империей осуществились на более позднем этапе, чем у южных славян. И вполне закономерно прямым следствием этих культурных, экономических, политических и иных контактов явилось принятие Русью христианства в его православной форме. Однако новая религия непросто приживалась в древнерусском государстве, языческие обычаи и верования (превратившиеся впоследствии в суеверия) еще долгое время существовали бок о бок с христианскими обрядами. Церковь была вынуждена мириться с этим и включала некоторые особенно популярные в народе языческие праздники в число христианских, преобразовывая и подстраивая их под христианские каноны, примером чего может служить сохранившийся до наших дней праздник Масленица, а также Святки, возникшие на основе существовавшего в древнерусском языческом календаре праздника русалий.

Аналогичным образом и в Болгарии сохранилось немало языческих праздников, примет и суеверий, характерных для южных славян (например, болгарские *кукеры* или *неперуда*). Эти факты не должны удивлять нас, ибо и до настоящего времени как в России, так и в Болгарии даже в двух соседних селах можно встретить различия в быту, традициях, культуре, особенностях речи, не говоря уже о диалектах.

Заслуживает пристального внимания и то обстоятельство, что принятие восточного варианта христианства сблизило Русь в культурном отношении с южнославянскими народами Балканского полуострова – все это неминуемо отразилось в языке. Немало примеров, подтверждающих этот тезис, можно найти в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку и других памятниках письменности, где, например, встречаются дублетные формы полногласия и неполногласия (ср.

восточнослав.: *хоромъ, колодезь, порогъ, голова, городъ* и др. и южнослав.: *храмъ, кладезь, прагъ, глава, градъ* и др.), а также формы действительных причастий настоящего времени типа восточно-слав.: *могучий, горючий, текучий, стоячий, везучий* и мн. др. и южнослав.: *могущий, горящий, текущий, стоящий, везущий* и мн. др. Впоследствии эти дублиеты разошлись в лексическом и грамматическом значениях или приобрели различные стилистические оттенки. Духовное и культурное общение с Византией и Болгарским царством привело к тому, что древнерусское государство стало частью православного мира, что способствовало расцвету права, просвещения и культуры в целом, а также экономическому развитию Древней Руси.

Византийское влияние не могло не отразиться и на государственном устройстве Руси, распространившись даже на обрядную и символьную сторону власти:

«На царе были *бармы* и отцовские, – ему едва не по колена, – золотые *ризы*»

(А.Толстой «Петр Первый», кн. 1, с. 96).

Не менее судьбоносными, но имевшими уже явно отрицательный характер, были контакты обоих славянских народов с тюркскими племенами. Двухсотлетнее татаро-монгольское иго существенно замедлило процесс культурного и экономического развития Руси. С тех далеких времен в русском языке сохранились слова, главным образом, из области военной и административной лексики (например: *аркан, колчан, турус, хан, ярлык* и др.). Вместе с тем, в русский язык перешло известное количество пословиц и иных фразеологических единиц. Был создан, однако, и ряд русских фразеологизмов, отражающих отношение поработанного народа к завоевателям (например: *как Мамай прошел*, т.е. «ничего нет; все пусто; все разграблено и сожжено»; *мамаево побоище* в значении «ужасный беспорядок; полный разгром»; *Незванный гость хуже татарина* и др.). См. использование подобной лексики в художественной литературе:

«“Уйди, *орда!*” – и стал наматывать бархат на свои грязнейшие прелые лапы...»

(Шишков, «Угрюм-река», ч. 1, с. 24).

Рассматривая этот вопрос, стоит подчеркнуть, что еще более драматичным было пятивековое турецкое иго в Болгарии, его тяжелые последствия сказались во всех областях жизни болгарского народа. Неудивительно поэтому, что в болгарском языке сохранилось множество турцизмов, без которых практически невозможно представить себе ни одно произведение художественной литературы, описывающее период турецкого владычества. Аналогичным образом обстоит дело и с народным творчеством, а также такими жанрами литературы, как исторический роман и хроника-описание исторических событий, где для воссоздания колорита эпохи особенно часто используется лексика турецкого происхождения, понятная современному болгарскому читателю, но недоступная без специального перевода или объяснения русскоязычному читателю (например: *кърсердар, заптие, пехливан, донанма, алтън, кушия, конак, бабаит, спахия* и др.):

Измаил бе казал, че «веднъж жени син», а това означаваше, че ще вдигне сватба, каквато се полага на човек с неговото положение: с *пехливанлъци, кушии*, награди, с море от шербети и *донанми*.

(И.Петров, «Преди да се родя.

И след това)»

Этот Измаил заявил, что у него один сын и что свадьбу он сыграет такую, какая полагается человеку его положения: на ней будут и *скачки*, и *вольная борьба*, и награды победителям, и разливанное море шербета и *разных других напитков*.

(И.Петров, «...И после рождения», с. 117, пер. В.Поляновой).

Бабаитите престанали много-много да излизат.

(Н.Хайтов, «Козий рог»)

Прежние *удальцы* теперь уже остерегались щеголять своей силой.

(Хайтов, «Козий рог», с. 137, пер. М. Михелевич)

Кърджалийският *спахия* не се вслушал в тия думи, надвзел жито от своите селяни, а сетне го намерили мъртъв, с глава, напъхана в крина, и промушен с кози рог.

(там же)

Спахия из Кырджали не послушался совета, содрал с крестьян лишнюю подать зерном, а вскорости нашли его мертвым, голова в кадку с зерном засунута, в груди козий рог торчит.

(там же).

Лексику, связанную с упомянутым историческим периодом, можно обнаружить и в целом ряде фразеологических единиц: «*Турска* сила, *българска* неволя», «нападнали като *делибашии*», «нападнали като *кърджалии*», «Къде всички *турци*, там и гол *Асан*» и др. [см.: Георгиева 1998: 279-283].

Равным образом болгарскому читателю будут непонятны русские реалии, характеризующие период с конца XIV по XVII век (например: *засека*, *приказ*, *челобитная*, *дыба*, *шишак*, *ферязь*, *дьяк*, *бердыш*, *Смута* и др.). Важно отметить также, что именно период, включающий конец XIV и весь XV век, стал временем возрождения культуры русских земель, жестоко пострадавших от татаро-монгольского нашествия, – восстанавливались города, оживала торговля, росло ремесленное производство, возобновилось создание летописей, появились новые центры летописания. Поистине грандиозным событием в русской культуре описываемой эпохи было возникновение в середине XVI века книгопечатания. Кроме того, в XVI столетии невероятно возросло значение Московского государства как политической силы. Римские папы предпринимали неоднократные попытки договориться с русским правительством о церковной унии (с этим связано появление в русском языке лексем *уния*, *униат* и *униатский*) и совместной борьбе с Османской империей. С тех времен до нас дошло большое письмо астронома и теолога Альберта Питтиуса, писавшего под псевдонимом Кампензе. Письмо это представляло собой первую политическую брошюру о Московском государстве.

Заметный и трагический след в истории России оставил период начала XVII века, называемый Смутным временем, когда до предела обострились экономические и политические проблемы и страна подверглась опустошительным нападениям польских, шведских, крымско-татарских завоевателей. Неслучайно именно в эту историческую эпоху приобрели широчайшую известность и превратились в нарицательные некоторые имена собственные, такие как *Иван Грозный*, *Лжедмитрий*, *Иван Сусанин*; знаковыми стали также названия некоторых исторических реалий типа *опричина*. Остановимся лишь на нескольких примерах:

«Пеплом зарядить пушку и выстрелить, как прахом *Митьки-лжецаря!*!»

(Шишков, «Угрюм-река», кн. 2, с. 427);

«Надеюсь, без вашего ведома изобразили здесь эмблему *опричины?*»

(Шолохов, «Тихий Дон», т. 2, с. 82).

Безусловно, весьма важным с точки зрения лингвокультурной информации является и период царствования Петра I, имевший поистине огромное значение для всего дальнейшего развития России. Наряду с коренными переменами во всех сферах государственной и общественной жизни, происходили изменения и в лексике русского языка – в нем появляется большое количество слов, заимствованных из ряда европейских языков – голландского, французского, английского, немецкого и др. Характерно, что в основном заимствуется лексика, относящаяся к морскому и военному делу. В подтверждение этого можно привести несколько примеров из романа А.К.Толстого «Петр Первый»:

«Послы и Петр с *волонтерами* покинули Пилау» (кн. 1, с. 233);

«Юлиус Рез – по свирепости и отваге истинный моряк – линьками вгонял в матросов злость к *навигации*. Заставлял стоять на *бом-брам-реях*, на двенадцати саженьях над водой, прыгать с борта головой вниз в полной одежде: “Кто утонет, тот не моряк!”» (кн. 2, с. 48);

«Пообедали – в третий раз шагать с палками или *мушкетами*. Учили неразрывному строю, как в войсках у принца Савойского, ровному шагу, дружной стрельбе, натиску с примкнутыми *багинетами*» (кн. 2, с. 95).

Этот процесс имел место и при наследниках Петра, причем особенно активно заимствовалась лексика французского языка. Последнее обстоятельство не должно вызывать удивления, так как французский в Петровскую эпоху и в последующие века выступает как международный язык, а в России – как официальный язык высшего общества. Примеры тому мы встречаем в произведениях русских классиков:

...Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих слов на русском нет...

(А.С.Пушкин, «Евгений Онегин», с. 196)

Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

(М.Ю.Лермонтов, «Бородино», т. 1, с. 156)

Наряду с этим нельзя обойти молчанием процесс формирования болгарского литературного языка в период становления болгарской нации. Еще с самого начала XIX века до освобождения Болгарии от османского ига в 1878 году болгарский литературный язык испытывает влияние как церковнославянского языка, так и разговорной речи. Весьма существенным в указанный исторический период было и влияние русского языка, сказавшееся, прежде всего, в сфере государственно-административного устройства и военном деле (см. лексемы русского происхождения или появившиеся в болгарском языке через посредство русского: *приклад, щик, караулка, постови, часовой, поручик, наряд, взвод, ударник, патронник, гилза* и мн. др.).

Не следовало бы забывать и об огромном влиянии русской культуры, которое болгарский ученый С.Стоянов определяет как «...один из самых мощных факторов восхода нашей (болгарской – В.М.) культуры и нашего национального возрождения в целом» [Стоянов 1993: 27].

Принимая во внимание все сказанное выше, можно прийти к выводу о том, что национальная психология, особенности исторического развития нации, ее характер выявляются и познаются через язык. В его лексическом фонде можно обнаружить

существенное количество единиц, несущих культурную информацию, которую трудно, а подчас и невозможно передать средствами другого языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиева 1998 – *Георгиева С.* Иностранное присутствие в болгарской и русской фразеологии и паремиологии // Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. Белград, 1998.
- Йовков Й.* Избранное. М.: Художественная литература, 1979.
- Куняев С.* Мать сыра земля. М.: Советский писатель, 1988.
- Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух. М., 1988.
- Младенов 1920-1921 – *Младенов С.* Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската реч. ГСУ. I. Историко-филологически ф-т, том XVII, 1920-1921.
- Мокиенко 1990 – *Мокиенко В.М.* Где жили первые славяне. Л., 1990.
- Петров И.* Преди да се родя. И след това. Мъртво вълнение. С.: Български писател, 1975.
- Петров И.* Избранное. М.: Радуга, 1987.
- Пушкин А.С.* Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1985.
- Стоянов 1993 – *Стоянов С.* Граматика на българския книжовен език. С.: Св. Климент Охридски, 1993.
- Толстой А.Н.* Петр Первый. Роман в трех книгах. М.: Просвещение, 1989.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах (пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева). 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.
- Хайтов Н.* Дикие рассказы. М.: Прогресс, 1972.
- Хайтов Н.* Диви разкази. Пловдив: Христо Г. Данов, 1980.
- Шишков В.Я.* Угрюм-река. Роман в двух томах. М.: Художественная литература, 1987.
- Шолохов М.* Тихий Дон. Роман в четырех книгах. М.: Художественная литература, 1975.